РАЗДЕЛ II. Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы

*ББК 83.3(2=411.2)
УДК 8; 82.02/.09*

*Д. Вальчак¹,
Варшавский университет
dorota.walczak1990@gmail.com*

МОТИВ ИКОНОБОРЦА-ИНОВЕРЦА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.

В статье анализируются описания иконоборцев-иноверцев в русской литературе XIX века. Предметом данного исследования являются как исторические романы, так и те произведения, действие которых происходит в современности. Доказывается, что целью выведения такого литературного персонажа, как иконоборец-иноверец, является консолидация русских читателей вокруг православных ценностей против общего врага.

Ключевые слова: икона, иконоборчество, православие, иноверцы, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, Г. П. Данилевский, В. В. Крестовский

Русь, принявшая в 988 г. христианство из Византии, вместе с ним приняла не только готовое, уже окончательно сформировавшееся православное учение об иконе, но также и множество легенд и сказаний, относящихся к актам иконоборчества. В данных византийских сказаниях иконоборцами являлись обычно или евреи, или мусульмане – представители религии, отрицательно относящиеся к идее иконопочитания. В самом конце такого сказания иконоборец обычно наказывался самым иконописным образом и (или) в конечном итоге с его помощью обращался в христианство. Хотя в период раннего средневековья на Руси не было ни евреев, ни мусульман, переведенные из греческого легенды о еврейских и мусульманских иконоборцах пользовались большой популярностью, что может

¹ Вальчак Дорота, аспирант, магистр исторических наук, Варшавский университет, г. Варшава, Республика Польша

Д. Вальчак

послужить доказательством существования близких связей между византийской и древнерусской культурой [8, 56].

Образ мусульманина-иконоборца получил развитие во времена татаро-монгольского ига на Руси; образ же еврея-иконоборца до такой степени прочно укоренился в сознании жителей Древней Руси, что когда в XVI веке в Москве появилась ересь, сторонники которой отвергали смысл почитания икон, они сразу же получили в народе название «жидовствующих» [5, 34].

В XVI в. обвинение в иконоборчестве впервые было использовано с политической целью. Царь Иван IV в письме к австрийскому императору Максимилиану II оправдывал свою агрессию на Ливонию тем, что протестантские жители этих земель якобы допускаются кощунства по отношению к православным иконам. Царь хотел уговорить Максимилиана, чтобы он помог ему в борьбе с ливонцами, так как в его представлении православные жители Великого княжества Московского и католическое население немецкой империи объединяло иконопочитание, так что они должны были вместе выступить против протестантов – врагов икон [2].

Русские писатели довольно часто выводили в своих произведениях образ иконоборца – иностранца, иноверца. В данной роли чаще всего выступали завоеватели, захватчики, реже – представители национальных меньшинств. Характерно, что это главным образом люди, исповедующие иконоборческие религии (религии, пропагандировавшие отрицательное отношение к почитанию образов) – ислам и иудаизм. В исторических романах, действие которых происходит во время похода Наполеона на Москву, в роли иконоборцев выступают французы, которые, согласно авторам, были испорчены антирелигиозной государственной пропагандой, хотя их иконоборчество заключалось главным образом в краже драгоценностей, которыми украшались иконы.

В историческом романе Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный» (1863), действие которого происходило во времена правления Ивана Грозного, иконоборцем являлся одинокий татарин, который оторвался от остального войска, попал вглубь Великого княжества Московского, оказался под Москвой и был пойман русскими. Описывая внешность иконоборца, рассказчик усиленно подчеркивал его иностранное происхождение: «К костру подвели связанного детину в полосатом кафтане. На огромной голове его торчала высокая шапка с выгнутыми краями. Сплюснутый нос, выдававшиеся скулы, узенькие глаза свидетельствовали о нерусском его происхождении» [9, 213].

Татары рассматривались русскими как насильники – захватчики, а одновременно враги христианства и враги всего русского (православного). Устами одного из героев, Поддубного, автор говорил о многочисленных действиях татар, направленных прямо против православия: «Тут попался нам мужик, рассказал, что еще вчера татары напали на деревню и всю выжгли. Вскоре мы сами перешли великую сакму [следы лошадей – Д. В.]: сметили, по крайнему счету, с тысячу лошадей. А там идут другие мужики с бабами да с детьми, воют да голосят: и наше-де село выжгла татарва, да еще и церковь ограбили, порубили святые иконы, из риз поделали черпаки... <...> Попа <...> к лошадиному хвосту привязали...» [9, 213].

А. К. Толстой противопоставил татар – мусульман русским – православным. Данное противопоставление стало некоей основой для сплочения, консолидации русских против татар и способствовало их временному забыванию внутренних раздоров. Как говорил князь Серебряный: «Ребята! – сказал он, – видите, как проклятая татарва ругается над Христовою верой? Видите, как басурманское племя хочет святую Русь извести? Что ж, ребята, разве уж и мы стали басурманами? Разве дадим мы святые иконы на поругание? Разве попустим, чтобы нехристи жгли русские села да резали наших братьев?» [9, 215].

Характерно, что Толстой ничего не говорил об идейных побуждениях татар, данное им описание указывало на то, что к уничтожению икон сподвигала их только и исключительно примитивная жажда наживы. При пойманном русскими татарине нашли украденные вещи, между которыми был также и фрагмент оклада иконы: «Поддубный развязал мешок и вынул кусок ризы, богатую дарохранительницу, две-три панагии и золотой крест» [9, 214].

В исторических романах «Война и мир» (1865–1869) Льва Николаевича Толстого и «Сожженная Москва» (1886) Георгия Петровича Данилевского в роли иконоборцев выступали солдаты Наполеоновской армии, которые во время великого похода на Россию сравнительно часто уничтожали иконы, также главным образом с целью грабежа, стараясь снять с них украшенные драгоценными камнями оклады. Герой романа Толстого, русский аристократ Пьер Безухов своими глазами видел отъезд французов из Москвы. Уезжающие солдаты Наполеона забирали с собой богатый улов, среди которого также были и иконные ризы. В толпе, окружающей Безухова постоянно слышатся комментарии: «Смотри – меха – говорили они. Вишь, стервецы, награбили... Вон у того-то сзади, на телеге... Ведь это с иконы, ей Богу! Это немцы, должно быть» [10, 112].

Д. Вальчак

Вопрос об отношении автора к иконам был сложным и со временем эволюционировал. В. Б. Шкловский в биографии Льва Толстого подчеркивал, что главная тема великого романа – это отнюдь не вопрос о позиции французской или русской армии или баталистика. Как писал ученый, в анализируемом произведении Толстой осмыслил вопрос о значении борьбы, о причинах исторических событий, о значении национального самосознания в народной войне [11, 404]. С данной точки зрения, уничтожение и грабеж московских святых икон французами парадоксально становилось причиной консолидации русского народа.

В романе «Сожженная Москва» Георгий Данилевский тоже описывал, как французы грабили дворянские особняки в древней русской столице. В одной из сцен писатель показал, как в дом главного героя, Базиля Перовского, вломилось несколько наполеоновских солдат, которые стали забирать все вещи, обладающие какой-либо материальной ценностью. Как впоследствии рассказывал Перовскому его перепуганный слуга: «В вашу [Перовского – *Д. В.*] опочивальню вошли солдаты. Забирают платье, посуду, образа... Вашу лисью шубу вынули, тетенькин новый шерстяной капот...» [4, 107].

В процитированной сцене иконы стали просто предметом грабежа наряду с другими предметами домашнего обихода, но в своем романе Данилевский рисовал также и драматическую картину осквернения церкви и находящихся в ней икон французскими солдатами, обосновавшими в храме военный обоз и полевую кухню. Как говорил рассказчик: «Снятые со стен и положенные на ящики с мукой и крупой иконы служили стульями и скамьями для солдат. В алтаре, у горнего места, виднелась койка, прилаженная на снятых боковых дверях; на ее постели, прикрытой лиловою шелковою ризой, сидела, чистя морковь, краснощекая и нарядная полковая стряпуха. Престол и жертвенник были уставлены кухонною посудой. На паникадиле висели бытые гуси и дичина. На гвоздях, вколоченных в опустошенный иконостас, были развешаны и прикрыты пеленой с престола куски свежей говядины. Солдаты, у перевернутых ведер икадок, куря трубки, играли в карты. Воздух от табачного дыма и испарения мяса и овощей был удушливый» [4, 114].

Так Толстой, как и Данилевский, указал на наполеоновских солдат как орду варваров, бессмысленно грабящих русские святыни, а заодно – не совсем сознательно – совершающих кощунство по отношению к православным святыням.

Такие же низкие побуждения – жажду наживы и алчность – Николай Васильевич Гоголь в историческом произведении «Тарас

Бульба» (1835), события которого разворачивались в среде запорожских казаков в первой половине XVII в., приписал и евреям, что были местными представителями польской администрации на Украине. В романе описывалось, как между жителями разносится весть, что еврейки используют православные литургические одеяния для шитья одежды. «Слушайте! Еще не то расскажу: уже, говорят, жидовки шьют себе юбки из поповских риз» [3, 333].

Популярный стереотип евреев – иконоборцев развивал также и Всеволод Владимирович Крестовский в первом томе своей антисемитской трилогии «Тьма египетская» (1889). Главной героиней романа Крестовского была некая Тамара Бендавид, молодая девушка из богатой еврейской семьи, живущей в небольшом пограничном городке Украинске. Тамара влюбилась в русского аристократа, графа Каржоля и из-за любви решила перейти в православие, чему противилась ее консервативная семья. Девушка нашла приют в православном монастыре, игуменьей в котором была мать Серафима. Побег Тамары из дому и ее желание обратиться в православие привели в отчаяние дедушку женщины, известного рабби Соломона и вызвали раздражение еврейской общественности Украинска, которая обвиняет Серафиму в прозелитизме. В результате взбешенные евреи закидали камнями монастырь, требуя от монахинь, чтобы отдали им Тамару. Во время нападения не было никаких серьезных повреждений храма, но Крестовский описал, каким образом среди народа распространялись сплетни о мнимом кощунстве: «Но вот по базару и скверу пошли малопомалу смутные слухи и разговоры, будто в женском монастыре кто-то ночью вымазал святые ворота дегтем и перепачкал грязью, даже хуже, чем грязью, написанные на них святые лики. – А известно, что значит у южно-русского народа смазать дегтем чьи-либо ворота» [7, 233].

Идея о том, что виновными такого ужасного кощунства могут быть только и исключительно евреи, появилась сам собой и была обусловлена силой стереотипа о том, что все евреи являются иконоборцами: «Кто мог сделать такую мерзость и зачем? – невольно возникали в народе вопросы. – Кому же, кроме жидов! – было на это всеобщим, единомысленным ответом, и в подтверждение такого заключения некоторые из горожан здесь же, на площади, сообщали, что вчера еще «жадюга» напала на монастырь, разбила над воротами образ и убила камнем одну монашенку» [7, 233].

Все увеличивающийся гнев толпы привел к спонтанному еврейскому погрому. Интересно, что участники погрома считали, что евреи до такой степени ненавидят икон, что еврейские дома и лавки определяли только по тому признаку, что в их окнах не было икон: «Видя, что в этих

Д. Вальчак

квартирах, как и в русских домах, выставлены в окнах образа, и что толпа, яростно набрасываясь только на еврейские дома и лавки, заботливо обходит тут же рядом отворенные магазины русских купцов, где все товары оставались на выставке в обыкновенном порядке и где хозяева нисколько не боялись за свою безопасность, – более состоятельные евреи молили русских снабдить их на время своими образами и предлагали купцам за поддержание икон большие деньги» [7, 326].

Рассказчик, сам занимающий позицию недружественную к евреям, считал появляющиеся сплетни об уничтожении икон бессмысленными, не имеющими отражения в реальности и вредными, хотя кажется, что он сочувствует голосам из толпы: «Больно уж много воли дали жидам! Совсем сели да поехали на крещеном народе» [7, 326], тем самым разделяя взгляд, что безосновательные обвинения в иконоборчестве являются результатом прежнего поведения самих евреев, которые избегали контактов с русским населением и враждебно относились к православию.

Британский историк П. Браун считает, что в Византии существовало так «внешнее», как и «внутреннее» иконоборчество. Первое из них было связано с иконоборцами из других, «чужих» социумов, а второе с еретиками «отечественного» происхождения [1, 33–34]. Рассмотрение литературных персонажей – иконоборцев в русской литературе XIX в. ведет к убеждению, что данных героев можно с легкостью разделить на две группы – на «чужих» и на «наших». «Чужим» – иностранцам и иноверцам – чаще всего приписываются низкие мотивации – жажда наживы посредством кражи элементов украшения икон. «Чужие» чаще всего являются или иноверцами, или вообще неверующими, так что не имеют никаких угрызений совести, уничтожая святые для православных изображения. Характерно, что ни один из приведенных авторов не пытается анализировать психологию чужеземных иконоборцев. Все они указаны как варвары, бессмысленно уничтожающие чужую и непонятную им культуру, равнодушные к чувствам и переживаниям православных русских. Среди литературных иконоборцев особенное положение занимают евреи, которые указаны как наиболее сознательные иконоборцы, которые в своих действиях руководствуются главным образом ненавистью по отношению к христианам, что в свою очередь несомненно было обусловлено сильным в императорской России антисемитизмом [6].

Главной целью, которую преследовали вышеуказанные авторы, вывода в своих произведениях литературных иконоборцев – иноверцев и иностранцев, не является описание их психологии или мотивации их действия. Иконоборцы-иноверцы служат символом некой внешней, темной и враждебной силы, против которой объединяются литературные герои-русские.

Литература:

1. Brown, P. A Dark-Age Crisis: Aspects of the Iconoclastic Controversy / P. Brown // *The English Historical Review*. – 1973. – № 346. – 88. – Jan. – Pp. 1–34.
2. Giza, A. List Iwana IV Groźnego do cesarza Ferdynanda I z 1560 r. w zasobie Archiwum Państwowego w Szczecinie / A. Giza // *Szczeciński informator archiwalny*. – 1995. – 9. – S. 40–46.
3. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Избр. произведения. – Л.: Лениздат, 1968. – С. 217–332.
4. Данилевский, Г. П. Сожженная Москва / Г. П. Данилевский // Г. П. Данилевский. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 7. – М.: ТЕРРА, 1995. – 541 с.
5. Казакова, Н. А., Лурье Я. С., Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века / Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. – М. – Л.: Изд-во АН СССР 1955. – 544 с.
6. Klier, J. Russians, Jews, and the pogroms of 1881–1882 / J. Klier. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 492 pp.
7. Крестовский, В. В. Тьма египетская / В. В. Крестовский. – Т. 1–2. – М.: Камя, 1993. – 588 с.
8. Sulikowska-Gąska, A. Spory o ikony na Rusi w XV i XVI w. / A. Sulikowska-Gąska. – Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2007. – 324 s.
9. Толстой, А. К. Князь Серебряный / А. К. Толстой. – М.: Худож. лит., 1977. – 348 с.
10. Толстой, Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. – Т. 7. – М.: Худож. лит., 1963. – 492 с.
11. Шкловский, В. Б. Лев Толстой / В. Б. Шкловский. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 864 с.

THE MOTIF OF ICONOCLASTS-DISSENTERS
IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 19th CENTURY

Walczak Dorota

Abstract

The article analyzes the descriptions of iconoclasts of other faiths in Russian literature of the 19th century. The subject of this study is both historical novels and those works whose action takes place in modern times. It is proved that the goal of deducing a literary character – an iconoclast-heterodox is the consolidation of Russian readers around Orthodox values against a common enemy.

Keywords: icon, iconoclasm, Orthodoxy, dissenters, Alexei Konstantinovich Tolstoy, Lev Tolstoy, Nikolai Gogol, Georgy Danilevsky, Vsevolod Krestovsky

Поступила в редакцию 5.10.2018